

А. Савин

Хлеб небесный

**Духовно-нраавственный православный
иллюстрированный журнал. 1-31 марта 1932 г.
№3**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Савин**
Хлеб небесный: Духовно-нравственный православный иллюстрированный журнал. 1-31 марта 1932 г. №3 / А. Савин –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 248 с.

ISBN 978-5-518-00021-6

ISBN 978-5-518-00021-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

обоюдномъ духовномъ горѣніи и исповѣдующаго, и исповѣдника. Правда, искренній исповѣдникъ не понесетъ ущерба отъ недостойнства исповѣдующаго, но горе тому, кто соблазнить единаго отъ малыхъ сихъ (Матѣ. XVIII, 7).

Мы обыкновенно живемъ въ такой суетѣ, что намъ трудно бываетъ войти въ себя, сосредоточить свое вниманіе на своемъ внутреннемъ душевномъ состояніи и дать себѣ въ немъ ясный отчетъ. Чтобы облегчить намъ этотъ трудъ, Церковь установила передъ исповѣдію дни говѣнія, когда мы на нѣкоторое время отвлекаемся отъ своего обычнаго образа жизни, постимся, ежедневно посѣщаемъ церковныя службы, читаемъ духовныя книги. Такимъ образомъ мы входимъ въ новый міръ, чуждый нашей свѣтской суетности, міръ тихой, покаянной молитвы и внутренней самоуглубленности. Мы ближе становимся къ Богу, и въ нашемъ сзнаніи яснѣе выступаетъ наша внутренняя жизнь, отчетливѣе становятся наши немощи, наши грѣхи. Иногда совѣсть наша сразу указываетъ намъ наши грѣховныя язвы. Но иногда совѣсть молчитъ. Душа остается холодной, неподвижной, въ состояніи какого-то тупого безразличія. Исповѣдникъ ощущаетъ въ себѣ внутреннюю пустоту, не знаетъ, что сказать, и на вопросы духовника даетъ формальные отвѣты: „Особен-

но ничѣмъ не грѣшенъ. Грѣшенъ, какъ и всѣ, дѣломъ, словомъ и помышленіемъ.“ Съ такимъ душевнымъ состояніемъ мучительно исповѣдываться. Его надо преодолѣть. Надо разогрѣть свое сердце усердною молитвою и самоосужденіемъ. Не нужно искать въ себѣ какихъ-то особенныхъ грѣховъ, но и во всякой нечистотѣ своего сердца нужно видѣть свою виновность и неправду предъ Богомъ. Тяжесть нашихъ грѣховъ опредѣляется чуткостью нашей совѣсти. Можно и о маломъ проступкѣ горько плакать, можно и о нарушеніи важной заповѣди говорить съ легкомысленной улыбкой.

Иногда исповѣди мѣшаетъ ложный стыдъ, языкъ не поворачивается признаться въ грѣхѣ постыдномъ, позорящемъ. Это малодушіе надо преодолевать сознаніемъ, что исповѣдь приносится не человѣку, а Богу. Вспомни, предъ Кѣмъ стоишь, и малодушіе исчезнетъ. Преодолевшій ложный стыдъ на исповѣди сторицею вознаградится послѣдующимъ умиротвореніемъ сердца. Иные отъ волненія и смущенія, а также изъ боязни обременить духовника о многомъ забываютъ или не рѣшаются говорить на исповѣди. Такая исповѣдь не можетъ дать полного удовлетворенія. Надо помнить, что исповѣдь—единственный случай въ году, когда можно до глубины, до конца открыть свою душу.

Смущающимся и волнуемым полезно записывать свои грѣхи и исповѣдывать по записи.

Но вотъ исповѣдь кончена. Все нечистое выметено изъ души. На душѣ легко, отрадно. Въ ней чувствуется присутствіе благодати Божіей. Что же дальше? Исповѣдь есть только половина дѣла. Недостаточно только очистить душу отъ грѣха. Надо воспринять въ себя Божественную жизнь въ таинствѣ Св. Причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ. „Якоже розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ, тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете. Азъ есмь лоза, вы же рождіе: иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ, яко безъ Мене не можете творити ничего“ (Іоан. XV, 4-6). Безъ Бога мы—ничто. Богъ же, пребывающій и дѣйствующій въ насъ, Онъ освящаетъ насъ и творитъ черезъ насъ все доброе. Въ таинствѣ Причащенія мы дѣйствительно, жизненно и дѣйственно соединяемся съ Господомъ и воспринимаемъ отъ Него жизнь и силу, если только достойно приступаемъ къ Тѣлу и Крови Христовымъ. „Аще не снѣсте Плоти Сына Человѣческаго, ни піете Крови Его, живота не имате въ себѣ“ (Іоан. VI. 53). Хорошо быть подъ защитою Сильнаго, могущаго оградить насъ отъ всякой обиды; хорошо быть съ Существомъ Добрымъ, со-грѣвающимъ насъ Своею лю-

бовію; хорошо быть съ Существомъ Мудрымъ, просвѣщающимъ нашу мысль и сообщающимъ ей здравыя понятія; хорошо быть съ существомъ Крѣпкимъ, укрѣпляющимъ нашу волю на все доброе. Все это мы и получаемъ въ таинствѣ Св. Причащенія, становясь едино съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Какъ же намъ не любить этого таинства и не дожить имъ! Первые христіане такъ сильно желали этого тѣснаго постояннаго общенія со своимъ Господомъ, что причащались каждое воскресенье.

Послѣ причастія Св. Таинъ обыкновенно чувствуютъ себя нѣкоторое время, нѣсколько дней, а иногда и нѣсколько недѣль—новыми людьми, какъ бы недоступными для проникновенія въ душу ихъ прежнихъ грѣховъ. Душа какъ бы закрыта для грѣховъ. Въ ней чисто и уютно. И эта чистота, миръ и уютность невыразимо отрадны. Но потомъ мало-по-малу на душу снова начинается осѣдатель грѣховная пыль. Утрачивается первоначальная чуткость къ грѣховнымъ прикосновеніямъ. Грѣхъ не только вѣется около души, но и проникаетъ въ нее, постепенно все болѣе грязнитъ ее, и, при невнимательности, поселяется въ душѣ, какъ полноправный хозяинъ. И такъ, что же? Неужели исповѣдь и причащеніе Св. Таинъ были бесполезны? Или, можетъ быть, приступая къ нимъ, мы только ос-

корбляли Бога, не сохранивъ плодовъ исповѣди и причастія? Никто не долженъ такъ думать. Духовная жизнь есть непрерывная борьба съ грѣхомъ. Никогда не бываетъ такъ, чтобы, одержавъ однажды побѣду надъ грѣхомъ, человекъ уже навсегда становился для него недоступенъ. Такая окончательная побѣда надъ грѣхомъ достигается только въ будущей жизни, но не здѣсь, на землѣ. Въ исповѣди и причащеніи Св. Таинъ мы получаемъ могущественную Божественную помощь въ борьбѣ съ грѣхомъ. Безъ исповѣди и Св. Причастія мы совсѣмъ бы изнемогли въ этой борьбѣ, были бы поработаны грѣхомъ. И хотя грѣхъ и послѣ принятія нами этихъ Св. Таинствъ, вслѣдствіе нашей небрежности, овладеваетъ нами, однако и мы снова его преодолеваемъ и изго-

няемъ изъ себя силою укрѣпляющаго насъ Христа. Не будь исповѣди и причащенія Св. Таинъ, мы потеряли бы чуткость ко грѣху; мы стали бы безразлично относиться въ себѣ къ тому, что на самомъ дѣлѣ заслуживаетъ осужденія. Исповѣдь и причащеніе Св. Таинъ увеличиваютъ остроту нашей совѣсти, и благодаря этому мы можемъ не опускаться, но расти духовно. Вотъ почему никогда не слѣдуетъ унывать отъ того, что и послѣ исповѣди и принятія Св. Таинъ мы снова одолевается грѣхомъ. Будемъ неутомимо продолжать свою борьбу съ нимъ, пока, наконецъ, при помщи Божіей, не возсіяетъ въ душахъ нашихъ, насколько это дано намъ вмѣстить, полный свѣтъ Христовъ. Аминь.

Бесѣда святаго Кесарія о покаяніи.

Возлюбленные братія о Христѣ! Когда мы впадаемъ въ грѣхи и беззаконія, то не должны отчаиваться потому только, что Богъ правосудевъ; а съ другой стороны не должны быть и безпечны, зная, что Онъ милосердъ. Нѣтъ, намъ должно, во всякомъ случаѣ, страшиться Его правосудія, но притомъ и надѣяться на Его милосердіе, и, надѣясь на милосердіе, должно страшиться Его правосудія; ибо чѣмъ долѣе Богъ ожидаетъ нашего обращенія, тѣмъ строже бываетъ Его наказаніе, когда мы не приносимъ никакихъ плодовъ покаянія. Припарку или примочку должно прикладывать всегда къ свѣжей ранѣ, чтобы скорѣе и удобнѣе

залѣчить ее и чтобы не дать ей загноить. Итакъ, никто не говори: когда буду старъ, тогда покаюсь. Зная слабость человеческую, ты не долженъ говорить сего, ибо ты знаешь, что въ твоей власти вѣтъ ни одного дня. Мало ли было людей, которые надѣялись долго прожить? но смерть застигла ихъ такъ неожиданно, что они не успѣвали раскаяться во грѣхахъ своихъ. Мы стыдимся принести покаяніе въ этой краткой жизни, а не страшимся наказанія въ будущей, безконечной жизни. Жалкій человекъ! ты не боишься своей раны, а боишься лѣчевія ея. Грѣхъ твой есть подлинно рапа; а покаяніе есть врачество цѣлительнѣйшее и по-

лезнѣйшее. Когда ты отлагаешь покаяніе до другаго времени, то, безъ сомнѣнія, не хочешь лѣчить твоей раны. Видно, ты не знаешь, что закрытая рана бываетъ гораздо опаснѣе открытой. Если нѣтъ у насъ тяжкихъ грѣховъ, то почему пренебрегаемъ и за ничто почитаемъ малые? Но что если мы имѣемъ тѣ и другіе? чѣмъ мы ихъ загладимъ? какими благами дѣлами очистимъ свою грѣховную совѣсть? Чѣмъ загладимъ божбу, клятвопреступленіе, злословіе, ругательство, празднословіе, ненависть, гнѣвъ, зависть, стадострастіе, пьянство, лѣность, скверные и нечестыя помыслы? Какую жертву умилостивителя принесемъ за услажденіе нашихъ чувствъ? чѣмъ удовлетворимъ презрѣніе къ нищимъ? какое принесемъ покаяніе въ томъ, что не посѣтили Христа въ темницѣ, не приняли въ домъ страннаго, не одѣли нагаго, болящаго не уврачевали, между враждующими не водворили мира, постовъ не соблюдали, предстоя въ храмѣ безъ страха и благоговѣнія, празднословили и во время чтенія и пѣнія священныхъ пѣсней занимались суетовіемъ и пустыми бесѣдами? Если всѣ эти грѣхи и прочія безчисленныя беззаконія тяготятъ нашу совѣсть, то чѣмъ мы очистимъ? Какія дѣла положимъ на вѣсахъ Божія правосудія? Чѣмъ можемъ оправдаться на нелицепріятномъ судѣ Божіемъ? Одна надежда на милосердіе Божіе; одно спасеніе въ истинномъ покаяніи; одни дѣла милосердія могутъ отклонить гнѣвъ Божій. Если, говорю, къ этимъ грѣхамъ, о которыхъ мы выше сказали, присовокупляются еще важнѣйшіе грѣхи наши, то для меня непонятно, почему мы такъ безпечны, что медлимъ раскаяться и отлагаемъ покаяніе до другаго времени?—Почему вляса среди волнъ сего житейскаго моря, не спѣшимъ къ тихому пристанищу святаго покаянія? Ужели мы не знаемъ, что отъ множества грѣховъ рождается отчаяніе, а отчаяніе ведетъ насъ въ конечную гибель? Не на насъ ли исполняется писаніе: *егда призоидитъ не-*

честивый во глубину золъ, нерадитъ (Прит. 18, 3)? Но другой скажетъ: когда буду старъ, когда силы мои ослабѣютъ, тогда во всемъ раскаюсь. Но я не думаю, чтобы такое покаяніе могло быть полезнымъ. Конечно, будетъ оно полезно и дѣйствительно, когда ты успѣешь примириться съ твоими врагами, когда простишь обиды, тебѣ причиненныя, когда къ этимъ твоимъ дѣламъ милосердія присовокупишь плачь и рыданіе; но ты человекъ умный, тебѣ нельзя не знать, справедливо ли твое сужденіе? праведно ли то, что ты всю жизнь свою провелъ во грѣхахъ, а уже при смерти, полуживой помыслить началъ о вѣчной жизни? Хорошо ли бы было для тебя, если бы твой слуга всѣ силы свои, всю молодость свою употребилъ на служеніе твоимъ врагамъ, а тебѣ началъ бы служеніе въ старости и безсплинъ? Ты не можешь перенести этого отъ своего слуги, а хочешь Бога заставить отъ тебя терпѣть такое презорство твое! Многіе, обѣщавшись обратиться ко Господу всѣмъ сердцемъ, отходили отъ сего свѣта безъ покаянія, не исполнивъ своего обѣщанія. Часто случается, что смерть постигаетъ грѣшника нечаянно, — такъ, что онъ не имѣетъ ни силы, ни памяти помыслить о себѣ самомъ. Впрочемъ, едва ли и можетъ получить прощеніе во грѣхахъ своихъ при смерти тотъ, кто во всю жизнь не хотѣлъ принести покаянія. Итакъ, возлюбленные о Христѣ братія, пока есть еще время, пока еще мы живы въ этомъ мірѣ, помыслимъ о днѣ страшнаго суда, когда мы должны дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ; будемъ оплакивать грѣхи свои, потщимся загладить проступки наши дѣлами милосердія и усердною молитвою къ Богу. Постараемся, сколько возможно, уврачевать недуги души милостынею и молитвою. Ибо, если мы сами не будемъ безпечны о себѣ, то въ будущемъ вѣкѣ получимъ за то помилваніе и ослабу отъ правосуднаго Судіи. Кто строго еудитъ самого себя, тому Богъ отпускаетъ согрѣшенія; кто добровольно уклоняется отъ грѣховъ.

тотъ не будетъ отринуть отъ лица Божія, по слову писанія: *глаголи беззаконія твоя, да оправдишися.* Ежели ты сознательнъ въ своихъ беззаконіяхъ, то Богъ непременно проститъ тебѣ по Своему милосердію. Итакъ, никто изъ насъ не долженъ отчаиваться, но и не долженъ излишне уповать на милосердіе Божіе. Тотъ совершенно отчаивается, кто послѣ петиннаго раскаянія почитаетъ себя недостойнымъ Божія милосердія; тотъ излишне уповаетъ, кто отлагаетъ покаяніе. Почему въ писаніи сказано: *Беззаконникъ аще обратится отъ всѣхъ беззаконій своихъ, яже сотворилъ, жизнью поживетъ, и вся согрѣшенія его, елика сотворилъ,*

не помянутся ему (Лез. 18, 21, 22); а въ другомъ мѣстѣ: *не медли обратитися ко Господу.*

Итакъ, братія мои, кто бы вы ни были, мужи и жены, знатные и простые, старцы и юноши, отроки и отроковицы, внимлите сему: отриньте излишнее упованіе, потщитесь воспользоваться спасительнымъ врачествомъ святаго покаянія, страшитесь того, что *смерть близъ есть и не коснитъ.* Если мы напечатлѣемъ это въ памяти нашей, если мы будемъ вѣрны въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, то увѣрю васъ, что мы явимся на судъ Христовъ не для осужденія, но для полученія награды вѣчной. Аминь.

ЧИНЬ ПРАВОСЛАВІЯ.

Рѣдко бываетъ, чтобъ совершающійся въ воскресенье первой недѣли Великаго поста чинь Православія проходилъ безъ нареканій и упрековъ не съ той, такъ съ другой стороны. Инымъ кажутся церковныя анаеме не гуманными, инымъ стѣснительными. Всѣ такого рода предъявленія, можетъ быть, и уважительны въ другихъ случаяхъ, но ужъ никакъ не идутъ къ нашему чину Православія. Что такое св. Церковь? Это—общество вѣрующихъ, соединенныхъ между собою единствомъ исповѣданія богооткровенныхъ истинъ, единствомъ освященія богоучрежденными таинствами и единствомъ управления и руководства богодарованнымъ пастырствомъ. Единство исповѣданія, освященія и управления составляетъ уставъ этого общества, который всякимъ, вступающимъ въ него, долженъ быть исполняемъ неотложно. Вступленіе въ общество обусловливается принятіемъ сего устава, согласіемъ на него; а пребываніе въ немъ—исполненіемъ его. Посмотрите, какъ распространилась и распространя-

ется св. Церковь. Проповѣдники проповѣдуютъ; изъ слушающихъ одни не принимаютъ проповѣди и отходятъ, другіе принимаютъ, и въ слѣдствіе сего освящаются св. таинствами, поступаютъ подъ руководство пастырей и воцерковляются. Вступая въ Церковь, они сливаются со всѣми, объединяются и пока составляютъ едино со всѣми, до тѣхъ поръ и въ Церкви пребываютъ.

Вѣдь анаема есть ничто иное, какъ отлученіе отъ Церкви, или исключеніе изъ среды своей тѣхъ, которые не исполняютъ условій единенія съ нею, начинаютъ мудрствовать иначе, чѣмъ она, иначе, нежели какъ сами обѣщались, вступая въ нее. Посмотрите, какія лжеученія и какіе лжеучители отлучаются. Отвергающіе бытіе Божіе, безсмертіе души, Божественное промышленіе, не исповѣдующіе Пресвятая Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа,—Единаго Бога, не признающіе Божества Господа нашего Иисуса Христа и искупленія нашего крестною Его смертію, отмещущіе благодать Святаго Духа

и божественныя таинства, подающія ея, и проч. Видите, какихъ предметовъ они касаются! Такихъ, собственно, по коимъ св. Церковь есть Церковь, на которыхъ она утверждается и безъ которыхъ она не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ есть. Следовательно, тѣ, которые вооружаются противъ такихъ истинъ, суть то же въ Церкви, что въ житейскомъ быту люди, покушающіеся на жизнь и достояніе наше. А вѣдь ворамъ и разбойникамъ не позволяется дѣйствовать свободно и безнаказанно нигдѣ; и когда ихъ вяжутъ и передаютъ суду и наказанію, никто не считаетъ это негуманнымъ и стѣсненіемъ свободы; напротивъ, въ этомъ самомъ усматриваютъ дѣло челолюбія и обезпеченія свободы въ отношеніи ко всѣмъ другимъ членамъ общества. Если вы здѣсь такъ судите, то судите такъ же и объ обществѣ церковномъ. Лжеучители—это вѣдь воры и разбойники*): они расхищаютъ собственность Церкви, развращаютъ и губятъ членовъ ея. Что-жъ, неужто она поступаетъ худо, когда вяжетъ ихъ, судитъ и извергаетъ вонъ? И развѣ съ ея стороны было бы челолюбиво, если бы она равнодушно смотрѣла на дѣйствія такихъ лицъ и предоставляла имъ полную свободу губить всѣхъ? Какая мать позволитъ змѣѣ свободно подползти и ужалить свое дитя, еще малое и не понимающее угрожающей ему опасности? Если бы въ наше семейство ворвался разбойникъ, или втерлась какая-нибудь развратница, и первый началъ бы душиить и рѣзать вашихъ дѣтей, а послѣдняя—развращать вашего сына или дочь,—что жъ, вы равнодушно смотрѣли бы на ихъ дѣйствія изъ опасенія прослыть негуманными и отсталыми? Вы не вытолкали бы ихъ вонъ и не затво-

*) Какъ, напр., нынѣшніе душегубы—сектанты: баптисты, адвентисты, пятидесятники и всякаго рода атеисты.

рили бы для нихъ дверей вашего дома? Смотрите такимъ же образомъ и на дѣйствія св. Церкви. Видите она, что являются люди, растлѣнные умомъ, и вносятъ тлю свою въ среду другихъ, и возстаютъ противъ нихъ и гонятъ ихъ вонъ да кромѣ того предостерегаетъ и другихъ: „смотрите, вотъ такой-то и такіе-то хотятъ губить васъ; не слушайте ихъ и бѣгите отъ нихъ“! Церковь въ такомъ случаѣ исполняетъ долгъ материнской любви и, следовательно, поступаетъ челолюбиво или, по нынѣшнему, гуманно. У насъ теперь много расплодилось нигилистовъ и нигилистовъ, естественниковъ, дарвинистовъ, спиритовъ и, вообще, западниковъ;—что жъ, вы думаете, Церковь смолчала бы, не подала бы своего голоса, не осудила бы и не анаематствовала ихъ, если бъ въ ихъ ученіи было что-нибудь новое? Напротивъ,—соборъ былъ бы непременно, и всѣ они, съ своими ученіями, были бы преданы анаемѣ; къ теперешнему чину Православія прибавился бы лишь одинъ пунктъ: «Бюхнеру, Фейербаху, Дарвину, Ренану, Кардеку и всѣмъ послѣдователямъ ихъ—анаема!» Да нѣтъ никакой нужды ни въ особенномъ соборѣ, ни въ какомъ прибавленіи. Всѣ ихъ лжеученія давно уже анаематствованы въ тѣхъ пунктахъ, которые упомянуты выше. Видите ли теперь, какъ мудро и предусмотрительно поступаетъ Церковь, когда заставляетъ совершать нынѣшній окликъ и выслушивать его! А говорятъ, несовременно. Напротивъ, теперь то и современно. Можетъ быть, лѣтъ за полтора назадъ оно было и несовременно; а по нынѣшнему времени не то что въ губернскихъ городахъ, но во всѣхъ мѣстахъ и церквахъ слѣдовало бы ввести и совершать чинъ Православія; да собрать бы всѣ ученія, противныя слову Божію, всѣмъ огласить, чтобы всѣ знали, чего надо

опасаться и какихъ ученій бѣгать. Многие растлѣваются умомъ только по невѣдѣнію; а потому гласное осужденіе пагубныхъ ученій спасло бы ихъ отъ гибели. Кому страшно дѣйствіе анаѣемы, тотъ пусть избѣгаетъ ученій, которыя подводятъ подъ нее; кто страшится его за другихъ, тотъ пусть возвратитъ ихъ къ здоровому ученію. Если ты, неблаговолящій къ этому дѣйствію, — православный, то идешь противъ себя; а если потерялъ уже здоровое ученіе, то какое тебѣ дѣло до то-

го, что дѣлается въ Церкви содержащими его? Ты вѣдь уже отдѣлился отъ Церкви, у тебя свои убѣжденія, свой образъ воззрѣній на вещи,—ну, и пожинай съ ними. Произносится ли или нѣтъ твое имя и твое ученіе подъ анаѣемой,—это все равно: ты уже подъ анаѣемой, если мудрствуешь противно Церкви и упорствуешь въ этомъ мудрованіи. Страшна анаѣема: — брось мудрованія злыя.

Епископъ Теофанъ.

На рѣкахъ Вавилонскихъ.

На рѣкахъ Вавилонскихъ сидѣли
Мы въ глубокой печали, слезахъ...
Наши звучныя арфы висѣли
На раскидистой ивы вѣтвяхъ.
О Сіонъ въ горячей печали
Предавались мы горькимъ слезамъ.
Намъ плѣнители съ смѣхомъ сказали:
„Пойте пѣсни Сіонскія намъ.“
—Какъ намъ пѣть тебя, пѣснь родная,
Подъ ударами вражьихъ бичей?
Пусть отсохнетъ десница, когда я
Объ отчизнѣ забуду своей.
Пусть присохнетъ языкъ мой къ гортани,
Если я позабуду Сіонъ...
Вспомни, Боже, неистовство брани,
Нашъ глубокой молитвенный стонъ.
Вспомни, Боже, тотъ день разрушенья,
Когда палъ нашъ молитвенный храмъ,
И кричали враги въ изступленьи:
„Предадимъ все огню и мечамъ.“
О, блаженъ, кто безстрашно отмщенье
Вавилону за насъ принесетъ:
Принесетъ ему мечъ, разрушенье,
И о камень дѣтей разобьетъ...

Г.

Жизнь человѣческая.

Коротка, бѣдственна жизнь наша; не долго мы живемъ на землѣ: смерть приходитъ къ намъ, лишь только начинаемъ познавать, какъ должны, самихъ себя, а часто еще прежде сего необходимаго самопознанія. Мы здѣсь живемъ въ чужомъ домѣ, и земля служитъ для насъ гостиницею и вмѣстѣ могилою. Начало жизни сей есть первый шагъ къ смерти. Какъ мореплаватель, плывя на кораблѣ, стоитъ ли, сидитъ, или лежитъ, мало-по-малу подходитъ ближе къ пристани, или къ предназначенному мѣсту; такъ точно и мы во время плаванія по житейскому морю, спимъ или бодрствуемъ, волею или неволею, съ каждою минутою все далѣе уходимъ отъ начала и ближе подходимъ къ концу. Жизнь наша болѣе походитъ на смерть, ибо съ каждымъ днемъ отнимается у нея нѣкоторая часть ея теченія; притомъ она исполнена сожалѣнія о прошедшемъ, трудовъ въ настоящемъ, безпокойства и страха за будущее. Входъ въ сію жизнь сопровождается воплемъ; дитя начинаетъ свою жизнь слезами, какъ бы предчувствуя, что въ будущности предстоятъ ему многія болѣзни, печали и несчастія, и горькій спытъ совершенно оправдываетъ эти мрачныя предчувствія; выходъ изъ настоящей жизни ужасенъ, ибо не мы только лич-

но выходимъ изъ нея, но выходятъ и дѣла наши, являясь вмѣстѣ съ нами на судъ Божій. Въ грѣхахъ начинаемъ, въ болѣзняхъ рождаемся; въ страданіяхъ живемъ, въ тревожномъ страхѣ умираемъ. Прежде рожденія—обременяемъ мать свою, рождаясь, становимся пришельцами, живя, дѣлаемся гостями и странниками, а умирая, отправляемся въ туманный дальній путь. Первую часть жизни проводимъ какъ бы въ совершенномъ невѣдѣніи, вторую въ трудахъ и печаляхъ, послѣднюю въ негодованіи на немощную старость. Настоящая наша жизнь для насъ непостоянна, прошедшая ничтожна, будущая неизвѣстна! Рожденіе наше бѣдно, жизнь бѣдственна, кончина тяжела, болѣзненна. Жизнь наша есть духовная поучительная борьба: діаволь, врагъ нашего спасенія, ищетъ нашей гибели, міръ противъ насъ вооружается, собственное тѣло наше возстаетъ противъ духа нашего. Все суета, всюду печаль, всюду горе, куда ни посмотришь. Если нѣтъ на землѣ постояннаго, неизмѣннаго счастья, то можно ли найти на ней неизмѣнную радость? Если тлѣнныя земныя блага угрожаютъ намъ временнымъ и вѣчнымъ ихъ лишеніемъ, то какая же намъ польза искать наслажденій въ нихъ? Продолжительная жизнь часто

доставляетъ случай только больше грѣшить, больше терпѣть зла и строже отвѣчать на страшномъ судѣ Божиѣмъ. Что же есть человѣкъ въ настоящей жизни? Невольникъ смерти, скитающійся странникъ, *прахъ, на малое время являющійся, а потомъ исчезающій* (Іак. 4, 14), непостоянный вѣтръ, исчезающій, какъ тѣнь, и невѣрный, какъ сонъ. Что есть жизнь наша? Трепетное ожиданіе смерти— море разныхъ страданій. Путь жизни есть какой-то лабиринтъ, въ который входимъ мы изъ чрева матери и изъ котораго выходимъ вратами смерти.

Человѣческое тѣло безъ духовнаго сокровища, которое его одушевляетъ, есть земля и пепель. Жизнь наша слаба, какъ хрупкое стекло, скоропреходяща, какъ метеоръ. Счастіе настоящей жизни увлекаетъ человѣка только своею наружностію; но если его разсмотрѣть съ должнымъ вниманіемъ, то покажется пылью и дымомъ. Не земной гость— истинное и прочное счастіе: его нѣтъ въ настоящей жизни. Посмотримъ вокругъ себя, и мы увѣримся въ этомъ. Почти на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ или нищету и бѣдность, или сиротство и тяжкое одиночество, или честолюбца, низверженнаго съ высоты почестей и въ одичалой грусти и отчаяніи влачащаго дни свои, или сластолюбца, мечтавшаго найти верхъ удовольствій въ удовлетвореніи своихъ по-

хотливыхъ побужденій и утратившаго все свое имѣніе на это, но, вмѣсто удовольствій, нашедшаго отраву жизни, бѣдность, въ отчаяніи проклинающаго часъ своего рожденія. Всюду услышимъ мы однообразный, печальный отголосокъ: я несчастень! Вотъ какъ терниста и бѣдственна, какъ коротка и скоропреходяща жизнь наша на землѣ. Да, въ строгомъ смыслѣ судя, едва ли и есть жизнь-то на землѣ; ибо не тогда мы умираемъ, когда испускаемъ послѣднее дыханіе; напротивъ, умираемъ ежедневно, ежечасно, даже ежеминутно, и сколько времени прибавляется къ жизни, столько же, или еще болѣе, у нея убавляется. Не внезапно подвергаемся смерти, но ежеминутно къ ней приближаемся. Смерть и жизнь кажутся совершенно различными одна отъ другой; однако же, нѣтъ ничего ближе между собою, какъ смерть и жизнь. Смерть всегда близка къ намъ: ѣдимъ ли мы, пьемъ ли, спимъ ли, бодрствуемъ ли, безпрестанно подходимъ къ смертному часу. Неумолимая смерть носится надъ головами людей, посѣкая то ту, то другую. Она проникаетъ и въ чертоги, окруженные стражею, точно также, какъ въ убогую хижину всѣми отверженнаго страдальца.

Такъ бѣдственно, такъ мало живемъ мы.

И какъ человѣку можно жить долго, какъ не страдать, не

бѣдствовать, когда грѣхъ удалилъ его отъ Бога? Богъ есть источникъ жизни и счастья, внѣ Его—мертвенность и скорби, безжизненность и горе, смерть и плачь. Какъ же теперь чело-вѣкъ, удалившись отъ Источника жизни, можетъ жить долго? Какъ, уклонившись отъ высочайшаго счастья, можетъ быть счастливъ? Можетъ ли миртъ, перенесенный изъ благословенныхъ странъ юга въ суровый климатъ сѣвера, гдѣ солнце мало согрѣваетъ землю своими лучами и, слѣдовательно, мало сообщаетъ жизни, расти долго на холодной почвѣ? Можетъ ли земля украшаться цвѣтами среди холодной зимы, когда солнце не сообщаетъ болѣе живительной силы? Точно такъ-же нельзя долго жить и намъ, когда Солнце правды перестало согрѣвать насъ; нельзя быть счастливымъ, когда грѣхъ удалилъ насъ отъ Счастья. Мы живемъ здѣсь въ изгнаніи, куда сосланы на исправленіе, гдѣ предстоитъ намъ множество искушеній. Блага міра сего по злоупотребленію нашему служатъ проводниками къ порокамъ, воздаяніемъ коихъ вѣчныя муки, геенскій пламень послѣдуетъ за гробомъ.

Возлюбленная душа! не прилѣпляйся своими мыслями къ временнымъ благамъ, а чаще размышляй о благахъ вѣчныхъ. Жизнь наша, какъ бы ни была продолжительна, не составитъ и одной минуты въ сравненіи съ вѣчностію, насъ ожидающею; и

не жертвуй же для сей мгновенной жизни жизнию вѣчною. Какъ ни кратка жизнь временная, но она дана намъ на приготовленіе къ жизни вѣчной: въ теченіе ея мы приобретаемъ или теряемъ право на вѣчное блаженство. Если хочешь ты блаженной вѣчности, то старайся еще въ сей жизни предвкушать блага небесныя: пользуйся міромъ, но не прилѣпляйся къ нему; живи въ мірѣ, но не люби міра.

На небесахъ наше отечество, а здѣсь гостинница; не люби же однодневной гостинницы, ибо перестанешь стремиться къ небесному отечеству. Временная жизнь есть море, а вѣчная—пристань; не прельщайся же морскою кратковременною погодою, чтобы не перестать стремиться къ пристани вѣчнаго спокойствія. Обманчива жизнь сія: она часто убѣгаетъ, когда думаютъ наслаждаться ею, и потому не должно довѣрять ей. Нельзя здѣсь и на одинъ часъ обѣщать себѣ безопасность, ибо и въ одинъ часъ можетъ кончиться жизнь наша. Безопаснѣе всего каждый часъ ожидать смерти и приготовляться къ ней истиннымъ покаяніемъ. Обманчивъ міръ сей съ его благами: *не любите міра ни яже въ мірѣ, учитъ Апостоль и Евангелистъ Іоаннь: аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отца въ немъ: яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская нѣсть*